

СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ/СТАБИЛИЗАЦИИ СТРАН АФРАЗИЙСКОЙ ЗОНЫ (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)*

Сергей Юрьевич Малков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт экономики РАН

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Казахстан и Киргизия – периферийные страны Афразийской зоны. Тем не менее, они подвержены влиянию процессов дестабилизации, происходящих в ее ядре. С другой стороны, государства постсоветской Центральной Азии – это буфер между крупными мировыми полюсами – Россией и Китаем, заинтересованными в поддержании мира и порядка в регионе. Сопоставление Казахстана и Киргизии интересно тем, что эти два кейса контрастные: Казахстан – одна из самых модернизированных стран Центральной Азии с устойчивой политической системой, тогда как Киргизия – страна, где по-прежнему, важную роль играет сельское хозяйство, а политический режим пережил две смены в ходе революций и один переворот в ходе трансфера власти. На основании глубокого описания ключевых социально-политических размежеваний в обеих странах нами были построены сценарные прогнозы динамики (де)стабилизации, предполагающие возможные развилки развития.

В соответствии с методологией анализа социально-политической динамики, изложенной выше в статьях «Построение модельных описаний потенциальных дестабилизационных процессов» и «О мо-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

делировании и прогнозировании региональных и глобальных социально-политических кризисов», проведено сценарное прогнозирование развития социально-политической ситуации в Республике Казахстан и Киргизской Республике. Результаты проделанной работы изложены ниже.

Казахстан и Киргизия – бывшие союзные республики СССР, но представляют две противоположных траектории развития. Казахстан после турбулентного периода 1990-х гг., на который выпали конституционный конфликт президента и парламента (Карсаков 1998), аналогичный российскому кризису 1993 г. и угроза выхода северных областей из состава страны (Diener 2015), пришел к выраженной президентской модели, ставшей одним из залогов стабильности на последующие десятилетия.

Киргизия же, напротив, после экономически тяжелого, но устойчивого периода правления Аскара Акаева вступила в эпоху революционных смен режимов, что для центральноазиатского региона является редким исключением. В 2005 и 2010 гг. смены правящих элит произошли в результате массовых народных выступлений (Juraev 2008; Lewis 2008; Hess 2010; Чернявский 2010), а с 2017 по 2019 гг. в ходе перехвата ключевых рычагов управления в стране новым Президентом Соорнбаем Жээнбековым, вступившим в конфликт с предыдущим главой государства – Алмазбеком Атамбаевым, ставший очередным витком противостояния Севера и Юга страны (Bond, Koch 2010).

Сегодня перед правящими элитами Казахстана и жителями страны встает новый вызов – передача власти от Назарбаева к последующим поколениям политических управленцев. Сильная президентская власть, выступавшая залогом стабильности в предшествующий период, трансформируется, открывая большие возможности для развития других политических институтов, но вместе с этим растут и риски. Фаза передачи власти в купе с трансформацией режимной конфигурации делает страну уязвимой для роста протестной активности.

В Киргизии, где режим Жээнбекова только набирает силу, существует множество проблем. Основными являются социальные расколы: старый – между этническими кыргызами и узбеками, компактно проживающими в южных областях страны и нарастаю-

щий – между приверженцами так называемого «традиционного» и «народного ислама» и пуристами и радикальными течениями.

В перспективе эти и другие расколы в зависимости от дальнейшей их динамики будут определять траекторию развития обеих стран. Чтобы предотвратить негативные последствия необходимо разработать сценарии, описывающие базовые варианты развилок, что является основной целью данной работы. Разработка сценариев поможет понять, куда движутся Казахстан и Киргизия, и какие меры необходимо предпринять, чтобы не допустить дестабилизации в этих странах.

Казахстан: анализ и прогноз социально-политической динамики

Как и в России, стабильность в Казахстане была и остается одной из основ режима Нурсултана Назарбаева. Сегодня самые существенные риски для Казахстана связаны с трансфером власти от Нурсултана Назарбаева к следующим поколениям политических элит, ростом социального неравенства, незавершенностью процессов национального строительства и выбором внешнеполитического вектора страны.

Несмотря на формальную замену президента с Нурсултана Назарбаева на Касым-Жомарта Токаева, произошедшую весной 2019 г., правящий режим в Казахстане по-прежнему остается всецело назарбаевским. Уходя с поста главы государства, Назарбаев сохранил за собой пожизненную должность председателя Совета Безопасности.

Изначально Совбез носил статус совещательного органа власти, затем стал конституционным. К моменту передачи власти Токаеву институт Совбеза был заведомо усилен рядом полномочий. Среди таковых можно выделить согласование кадровых назначений, координацию работы основных органов государственной власти и силовых ведомств, а также внесение предложений и рекомендаций президенту страны по широкому кругу вопросов.

Помимо руководства Совбезом, Нурсултан Назарбаев удержал в своих руках председательство в Ассамблее народов Казахстана, лидерство в правящей партии «Нур Отан» и членство в Конституционном Совете. На внешнеполитической арене Назарбаев представляет свою страну наравне с действующим президентом – Ка-

сым-Жомартом Токаевым. В частности, на неформальном саммите глав государств СНГ, состоявшемся в декабре 2019 г., именно Назарбаев возглавлял делегацию из Казахстана.

Статус и значимость фигуры Назарбаева подчеркивается посредством усиления его символического капитала. Уже при жизни Назарбаева столица страны – Астана была переименована в Нур-Султан. Предложение о смене названия внес Касым-Жомарт Токаев в качестве демонстрации своей лояльности. После отставки Назарбаева решения о переименовании центральных улиц в честь первого президента также были приняты в пяти крупных городах страны – в Павлодаре, Петропавловске, Караганде, Актау и Шымкенте.

Политический «вес» Нурсултана Назарбаева дополняется положением членов его семьи. Старшая дочь Назарбаева – Дарига, которая рассматривалась в качестве одной из основных кандидатур на смену отцу, занимает номинально третье место в политической системе страны после президента и премьер-министра.

Параллельно с назначением Токаева временно исполняющим обязанности президента (до июньских выборов) состоялось выдвижение Дариги Назарбаевой на пост председателя Сената – Верхней Палаты Парламента Казахстана. Согласно Конституции, в случае невозможности исполнения президентом своих прямых обязанностей, руководство страной переходит именно к спикеру Сената.

Кайрат Сатыбалды и Самат Абиш – племянники первого президента, сыновья родного брата Назарбаева – Сатыбалды Назарбаева, трагически погибшего в 1981 г. Оба племянника связаны с силовыми структурами, в которых занимали видное положение и сохраняют рычаги влияния. Кайрат Сатыбалды на протяжении многих лет работал в Комитете национальной безопасности (далее – КНБ), где дослужился до звания генерала, после чего перешел в бизнес, став крупнейшим акционером «Kaspi Bank». Самат Абиш также делал карьеру в КНБ, дослужился до генеральского звания и с 2013 г. занимает должность заместителя, а с 2015 г. – Первого заместителя Председателя ведомства.

Братья являются негласными лидерами консервативно-религиозного направления во внутренней политике. В декабре 2019 г. Кайрат Сатыбалды и Самат Абиш участвовали в торжественном

открытии мечети в Туркестанской области, – региона, который выделяется на общеказахстанском фоне своим традиционализмом и религиозностью. На церемонии открытия также присутствовали сын президента Турции Неджметтин Биалал Эрдоган, советник главы Чечни Амрудди Эдельгериев, руководители Духовных управлений мусульман Узбекистана, Кыргызстана и другие лидеры исламских общин. По совместительству мечеть, названная в честь покойного отца братьев – Сатыбалды Абишулы, является одним из крупнейших исламских образовательных центров в стране. Учитывая текущие тенденции, не исключено, что исламский фактор будет одним из важных для Казахстана в ближайшие десятилетия (Сидоров 2007).

Кроме формальных полномочий и политического «веса», за Назарбаевым и его семьей остается контроль за финансово-экономическими активами. В пользу этого говорит то, что средняя дочь Нурсултана Назарбаева – Динара Кулибаева вместе со своим мужем Тимуром Кулибаевым делят третью строчку в списке самых состоятельных казахстанцев (Букеева и др. 2019). Основными их активами являются компания «Каспий нефть» и холдинг «АЛМЭКС».

Дарига Назарбаева также имеет собственную экономическую базу. После замужества с Рахатом Алиевым ей достался контроль за медиаимперией Алиева, включавшей в себя такие серьезные ресурсы как телеканал «Хабар» и популярную газету «Караван». Алиеву принадлежала компания «Сахарный центр», которая была монополистом в сахарной отрасли Казахстана. Кроме того, у семейной пары были акции «Нурбанка».

После смерти Алиева и ухода Дариги в политику управление семейными активами перешло старшему сыну Рахата Алиева и Дариги – Нурали, который сосредоточился на инвестиционном и телекоммуникационном бизнесе. Нурали принадлежит инвестиционная компания «Capital Holding», а также доли в «Транстелекоме» и компании «ND Capital». Усиление позиций семьи Назарбаева происходит за счет браков внутри элиты. Так, Нурали женат на дочери Берика Имашева, одного из ближайших соратников Нурсултана Назарбаева, который был министром юстиции, а ныне возглавляет ЦИК страны. Младший сын Дариги и брат Нурали – скандально

известный Айсултан Назарбаев женат на дочери Кайрата Боранбаева, одного из богатейших бизнесменов Казахстана.

Младшая дочь Назарбаева – Алия владеет девелоперской компанией «Элитстрой», ювелирной фирмой «Alsaga» и целым рядом других активов. Ее супруг Димаш Досанов руководит крупнейшей компанией «Казтрансойл».

Таким образом, большая семья Назарбаева, куда входят не только кровные родственники первого президента, конвертировала свое политическое влияние в контроль над финансовыми потоками и экономическими активами. Следовательно, для этой части казахстанской элиты ослабление политического «веса» может повлечь за собой издержки в бизнесе. Кроме того, не исключены расколы внутри большой семьи Назарбаева. Большим вызовом для устойчивости позиций Назарбаева стал уход в оппозицию Рахата Алиева, бывшего зятя лидера нации (экс-супруга Дариги Назарбаевой). Его сыновья – Нурали и Айсултан в меньшей степени связывают себя именно с назарбаевской семьей, формируя альтернативные позиции.

Семейные конфликты не редкость для центральноазиатских стран. Аналогичные трения происходили, к примеру, в Таджикистане между наследниками Эмомали Рахмона. Монолитность семьи уходящего лидера и включенность ее членов в политические и бизнес-процессы во многом определяют устойчивость системы в целом. Опыт других постсоветских и, прежде всего, центральноазиатских стран показывает, что трансфер власти от одного лидера к другому, как правило, оборачивается потерей активов и влияния семьей и ближним кругом предшествовавшего руководителя страны (Horak 2018), что нередко провоцирует конфликты между влиятельными группами элит, а порой переходит в публичную плоскость.

Например, после смерти Сапармурата Ниязова его семья потеряла практически все, а самые прибыльные отрасли постепенно отошли к членам большой семьи Гурбангулы Бердымухамедова, у которой нет конкурентов на внутреннем поле.

В Узбекистане смена руководства ознаменовалась падением семьи первого президента страны Ислама Каримова. Старшая дочь Каримова – Гульнара попала в опалу еще при жизни отца. В 2015 г. она была осуждена за создание преступной группировки, хищения

и неуплату налогов. В 2017 г., уже после смерти Ислама Каримова, против Гульнары было возбуждено второе уголовное дело. Ее зарубежные счета и имущество в различных странах были арестованы.

Младшая дочь Каримова – Лола Тилляева и ее муж Тимур позиционировали себя как предпринимателей и благотворители. В отличие от Гульнары и ее окружения Тилляевы избегали публичной политической деятельности, что, возможно, спасло их от прямого силового давления. Однако, в 2018 г. Тилляевы продали свой крупнейший актив рынок «Абу-Сахий», который после сделки получил новое название «Ташкентский Шелковый путь».

Долгие годы «Абу-Сахий» был не просто скоплением торговых площадей, а фактическим монополистом в сфере импорта, перевалки и дистрибуции потребительских товаров от одежды до бытовой техники. Продажа рынка показывает, что между Тилляевыми и новым руководством страны был найден компромисс, позволяющий избежать силового решения в отношениях между влиятельными группами, но при этом семья первого президента Узбекистана полностью отказывается от больших политических амбиций внутри страны (Viryukov 2019).

В Казахстане, как и других постсоветских государствах, произошло сращивание власти и собственности. И если в период перехода от командно-плановой экономики к рыночной преимущество было у финансово-промышленных групп, обладавших ресурсами для активного участия в политике посредством спонсирования избирательных кампаний кандидатов и партий, а также через лоббистские инструменты, то затем произошел откат, после которого уже наличие политического и силового ресурса стало залогом финансово-экономического благосостояния. Поэтому контроль за ключевыми позициями в политическом, силовом и государственно-корпоративном секторе позволяет наращивать экономические активы, а утрата позиций в высших эшелонах власти, может сильно ударить по бизнесу.

Начало трансфера власти в Казахстане – это не только и не столько политический процесс, сколько нарастание внутреннего напряжения в преддверие возможного передела сфер влияния и контроля за самыми прибыльными и перспективными активами. Вокруг Назарбаева сложилась коалиция крупных предпринимате-

лей, которые принимали назарбаевские правила игры. По негласным договоренностям с государством, бизнесмены финансировали государственные проекты и инициативы, спортивные и культурные мероприятия, занимались благотворительной деятельностью, взамен получая различные преференции в виде государственных заказов и комфортных условий для ведения бизнеса.

Центральноазиатские политические системы динамичны, они меняются (Наронская 2010; Казанцев, Содиков 2014). При этом исторически большую роль играют неформальные практики (Борисова 2002; Оге 2017). Новая позиция Касым-Жомарта Токаева в политической системе была подкреплена победой последнего на июньских выборах, где Токаев набрал более 70 % голосов избирателей. Однако потенциальный внутриэлитный конфликт является одним из самых больших рисков для Казахстана в краткосрочной и среднесрочной перспективе, поскольку вокруг нового лидера, каким бы формальным не казалось его президентство, уже начал формироваться круг элит, заинтересованный в пересмотре сфер влияния, контролируемых людьми, приближенными к Назарбаеву.

Эта ситуация в некоторой степени схожа с российской в канун завершения президентских полномочий Д. Медведева (Broekman 2017). Представители ряда финансово-промышленных групп и политического истеблишмента поддерживали Медведева как альтернативный Владимиру Путину центр силы. В случае возвращения Путина на президентский пост промедведевские элиты рисковали утратить преимущества, которые им давала близость к Медведеву и его президентский статус.

Российским элитам удалось избежать усиления раскола и пройти тот период без расшатывания режимной конструкции. При этом между Россией в 2011–2012-х гг. и современным Казахстаном есть различие. Возвращение Путина на президентский пост выглядело вполне реалистичным вариантом развития событий, тогда как вероятность возвращения Назарбаева в прежнем для него качестве стремится к нулю, что создает существенно иные развилки для политической системы Казахстана, чем те, что были в российских реалиях.

Правящие элиты в Казахстане существуют не в вакууме. Они изучают опыт соседних государств. Судя по тому, что Назарбаев решил уйти с президентского поста раньше срока и запустил про-

цесс распределения полномочий между основными институтами власти, лидер Казахстана стремится осуществить контролируемый трансфер власти с минимизацией рисков для всей политической системы. В этом смысле показательными могли бы служить примеры России и Азербайджана, где трансферы власти прошли относительно спокойно, а преемникам удается удерживать власть продолжительное время.

Тем не менее, к началу 2020-х гг. примеры России и Азербайджана уже не столь актуальны и релевантны, поскольку эти трансферы власти случились в начале 2000-х гг. в обществах с высоким запросом на стабильность и порядок после тяжелых и кризисных 1990-х гг.

На данный момент ситуация несколько иная. Хотя запрос на стабильность в постсоветских странах по-прежнему ярко выражен, он уже не является единственным и доминирующим общественным запросом. Молодежь, которая не застала Перестройки, распада СССР и переходного десятилетия 1990-х гг., менее подвержена страху отката назад. В то же время у молодых людей сильнее выражены потребности самовыражения и самоактуализации. В условиях слабо работающих социальных лифтов и довольно закрытого устройства общественно-политической системы в молодежной среде накапливается протестный потенциал.

Весной и летом 2019 г. прошла череда небольших протестов, организованных молодежным движением «Оян, Казахстан» («Проснись, Казахстан»). Пока социальную базу активистов составляет городская молодежь с хорошим образованием, но не исключено, что движение будет расширяться и привлекать в свои ряды сторонников с различным опытом и установками. Со временем «Оян, Казахстан» может потеснить на оппозиционном фланге движение «Демократический выбор Казахстана», возглавляемое Мухтаром Аблязовым, который живет за рубежом, что, впрочем, не мешает политике координировать и регулярно организовывать акции протеста в Казахстане.

Частично проблема неработающих социальных лифтов в Казахстане решается с помощью стипендиальной программы «Болашак», запущенной Назарбаевым еще в 1993 г. Участие в программе позволяло талантливым и активным казахстанцам получить хорошее образование и опыт работы, прежде всего за рубежом, после

чего перспективные молодые кадры имели возможность проявить себя на госслужбе и в корпоративном секторе. Среди известных выпускников программы можно назвать Бауыржана Байбека – экс-акима (губернатора) Алматы, экс-министра национальной экономики Тимура Сулейменова, советника премьер-министра Габидуллу Абдрахимова и др.

Что касается экономической конъюнктуры, то Казахстан, как Россия и Азербайджан, преимущественно сырьевая экономика. Владимир Путин и Ильхам Алиев стали президентами своих стран в период быстрого роста цен на углеводороды. Пройдя свой пик в начале 2010-х гг., мировые цены на углеводороды прошли период коррекции. Несмотря на то, что текущая стоимость нефти, газа и металлов на глобальных рынках позволяют России, Азербайджану и Казахстану поддерживать экономику, основанную на сырьевой ренте, былых сверхдоходов такой подход уже не приносит. А поскольку планы по диверсификации экономики не были реализованы полностью, то страны оказываются в подвешенном состоянии: с одной стороны, наличие природных ресурсов создает «подушку безопасности» от полного краха, с другой – нет новых точек для прорывного роста экономики и, как следствие, средств для повышения уровня благосостояния жителей названных стран.

Рост неравенства и обнищание населения могут стать одной из самых больших проблем в Казахстане в ближайшее десятилетие. Как уже было сказано, наличие в Казахстане разного рода ресурсов (сейчас это нефть, а в будущем более значимым может стать уран и редкоземельные металлы) обеспечивает стране стабильный приток доходов от сырьевого экспорта. Проблема лежит в распределении полученных доходов и эффективности последующего расходования бюджетных средств.

Казахстан уже сталкивался с социальными протестами, вызванными недовольством в распределении доходов от реализации сырья. В 2011 г. произошла одна из крупнейших в истории современного Казахстана протестных акций – забастовка рабочих в Мангистауской области (также известной как протесты в Жанаозене).

2018 г. ознаменовался ростом общественного недовольства, переросшего в протестную активность. Усиление социального напряжения в стране заставило Нурсултана Назарбаева сделать второе за

год послание (первое было в январе, последующее – в октябре), где были заявлены стратегия «Третьей модернизации» и «План нации – 100 конкретных шагов». Затем незадолго до назначения Токаева врио Президента последовало принятие ряда мер по улучшению социально-экономического положения в республике и отставка Правительства. Это позволило снизить градус общественного недовольства и провести передачу президентских полномочий при более благоприятном медийном и общественном фоне.

Другой значимой протестной тенденцией, набирающей силу в последние годы становятся антикитайские настроения. Первые серьезные народные выступления, подогреваемые синофобией прошли весной 2016 г. в Актобе, Атырау, Уральске, Жанаозене, Семее, Павлодаре и других городах страны. Поводом стало заявление Правительства о том, что около 2 млн гектаров сельскохозяйственных угодий будут выставлены на аукционы, победители которого могут арендовать участки на 25 лет. Также было объявлено, что принять участие в аукционах смогут не только резиденты Казахстана, но и представители других государств, которые смогут не только брать землю в аренду, но и приобретать ее в собственность, для чего предполагалось принять соответствующие поправки в Земельный кодекс страны. Хотя синофобский мотив отчетливо проявился в земельных протестах 2016 г. можно сказать, что это не было единственной причиной народного недовольства, а в основе протестов лежало падение реальных доходов населения и ухудшения благосостояния казахстанских домохозяйств.

Осенью 2019 г. антикитайские лозунги снова звучали в серии протестов, случившихся в Казахстане всего за неделю перед официальным визитом Касым-Жомарта Токаева в Пекин. Причин снова было несколько, однако синофобия имела более выраженный характер: сказались преследование мусульман в Синцзянь-уйгурском автономном округе Китая, в котором помимо уйгур проживают этнические казахи и кыргызы. Также обсуждался вопрос переноса в Казахстан 55 китайских производств. Казахстанцы болезненно отнеслись к данному решению руководства, опасаясь, что Пекин планирует либо разместить на территории страны экологически вредные предприятия, либо направит в Казахстан свои кадры, что оставит казахстанцев без обещанных рабочих мест.

Производной от синофобских настроений могут стать межэтнические трения внутри Казахстана. Это касается как трудовых мигрантов из Китая, число которых пусть не так значительно, как об этом заявляют противники китайского присутствия, но все ощутимо, так и, к примеру, дунган – одного из китайских малых этносов, принявших ислам. Дунгане проживают на юге Казахстана, где казахский национализм и бытовой шовинизм в последние годы заявляет о себе с особой и все большей силой.

В целом антикитайская карта – может стать серьезным аргументом во внутривнутриполитической борьбе. К примеру, на президентских выборах в Монголии в 2017 г. победил Халтмаагийн Баттулга, игравший на страхах монгольского электората в отношении Китая. Однако, такая политика рискована и чревата поляризацией общества.

В этой связи нельзя не сказать о том, как скажется на внутривнутриполитической динамике Казахстана обстановка на международной арене. На сегодняшний день у Казахстана есть три больших внешнеполитических вектора – российский (евразийский), китайский и исламский. Именно эти три направления несут в себе не только стратегическое партнерство в сфере экономики и международных отношений, но и предлагают культурно-цивилизационный выбор.

Поддержание тесных отношений с Россией по умолчанию подразумевает более осторожную национальную политику внутри страны. В таком случае этнические русские и другие русскоговорящие меньшинства будут оставаться на особом положении в Казахстане, а смещение акцентов в сторону казахского языка и культуры будет встречать ответную реакцию со стороны Москвы.

Хотя до последнего времени вопрос о положении русскоязычного населения Казахстана оставался на втором плане, реальность такова, что этнические русские, украинцы, белорусы и немцы активно покидают Казахстан (Werner, Emmelhainz, Varcus 2017). С 1989 г. доля русских в Казахстане сократилась в 2 раза. Последние сигналы, связанные с переводом казахского языка на латиницу и возможным переименованием Казахстана в Казах ели («Страна казахов») послужили дополнительным аргументом для эмиграции. В свою очередь, Нурсултан Назарбаев поддерживал переселение этнических казахов (оралманов) из соседних государств в Казахстан.

Кроме того, и Россия, и Казахстан – страны с выраженным персональным лидерством. Из этого следует, что многие аспекты двусторонних отношений между странами базируются на личных, отчасти негласных, договоренностях между Владимиром Путиным и Нурсултаном Назарбаевым. Постепенная смена правящих лиц в обеих странах может повлечь пересмотр прежних соглашений, что не исключает кризиса в отношениях между странами в будущем.

Среди прочих влиятельных политиков, которых в Казахстане считали номинально пророссийскими, выделялся Имангали Тасмагамбетов, который пользовался народной поддержкой. Вероятно, это послужило одной из причин назначения Тасмагамбетова послом Казахстана в России. Таким образом, политик был удален из страны на период трансфера власти, чтобы обезопасить позиции Токаева. Это подтверждается тем, что осенью 2019 г., когда Токаев укрепился во власти, Тасмагамбетов вернулся в Казахстан, отказавшись от дальнейшей политической карьеры. Это указывает на то, что Назарбаев избегает усиления пророссийских политиков внутри Казахстана.

Российская сторона принимает в расчет такой поворот событий и в стратегически значимых вопросах российские власти следуют более прагматичной политике без апелляции к братству народов России и Казахстана. В частности, российское руководство в последние годы активно продвигало проект строительства космодрома «Восточный», чтобы российские программы по освоению космоса были менее зависимы от Казахстана, на территории которого расположен арендуемый Россией «Байконур».

При этом, с точки зрения экономики и технологического развития Россия мало что может предложить Казахстану, в отличие от Китая, Японии, Южной Кореи, США и ЕС. При этом европейские страны и в несколько меньшей степени США традиционно предъявляют своим партнерам более внимательно относиться к вопросам защиты прав и свобод человека. Тогда как Пекин, делающий ставку на прагматичное продвижение собственных интересов, оставляет решение этих вопросов в компетенции руководства стран-партнеров.

Исходя из вышесказанного, внутривнутриполитическая динамика в Казахстане в среднесрочной перспективе будет определяться следующими размежеваниями.

Первое – внутриэлитное, подразумевающую борьбу влиятельных групп за власть-собственность (Junisbai, Junisbai 2019).

Второе – социально-экономическое, основанное на замедлении роста реальных доходов большинства жителей страны и усугубляющемся неравенстве между богатыми казахстанцами, средним классом и беднейшими слоями населения, а также отсутствии социальных лифтов для молодежи.

Третье размежевание – национальное. Оно вызвано постепенным переходом от советского и постсоветского общественно-политического устройства Казахстана к модели казахского (не казахстанского) национального государства, в котором казахи выступают в качестве основообразующего титульного этноса, а казахский язык окончательно становится языком общественной жизни и делопроизводства.

И последнее, четвертое размежевание, частично вытекающее из предыдущего раскола – внешнеполитическое. Окончательное формирование национального государства казахов невозможно без ухода от зонтичной модели евразийства. В противном случае национальные интересы Казахстана в конкретно этой его общественно-политической конструкции будут неизбежно вступать в конфликт с национальными интересами Российского Государства и с идеями так называемого «Русского Мира». В то время как, с другой стороны, усиливается экспансия Китая в центральноазиатский регион, и фактор восточного соседа во внутриказахстанских делах неизбежно будет усиливаться.

Соответственно, чтобы избежать нарастания внутренних расколов и последующей масштабной социально-политической дестабилизации действующим властям Казахстана следует уже сегодня разработать стратегию дальнейшего развития страны по всем перечисленным направлениям.

Во-первых, трансфер власти должен проходить последовательно и постепенно, чтобы скатывания политического режима в фазу турбулентности. В качестве примеров среди постсоветских режимов можно привести передачу власти от Бориса Ельцина к Владимиру Путину на рубеже 1999–2000 гг., наследование лидерства Ильхамом Алиевым от своего отца Гейдара и уже упомянутые трансферы власти в Узбекистане и Туркмении, которые, впрочем, обернулись точечными чистками на уровне элит.

С точки зрения стабильности всей страны уходящему лидеру персоналистского типа немаловажно не допускать резкого вовлечения широких социальных групп в процесс, поскольку при экстраполяции внутриэлитных конфликтов на общественную плоскость в переходный период, может обернуться более глубоким и затяжным кризисом в масштабе целого государства.

Конкуренция элитных групп в закрытых автократиях вполне естественное явление. Она является следствием того, что в таких режимах отсутствуют площадки для публичного соперничества по тем правилам игры, которые разделяют или, как минимум, не отрицают и власть, и общество.

Выходом из сложившейся ситуации могла бы стать постепенная либерализация общественно-политических процессов с усилением роли электоральных процедур, поскольку такой подход в долгосрочной перспективе способен обеспечить большую устойчивость, чем персоналистский, однопартийный или же военный тип устройства режима.

Во-вторых, параллельно с этим следует создавать больше реально работающих социальных лифтов. Они должны распространяться не только на привилегированную категорию будущих политических управленцев и корпоративных менеджеров, как это происходит в рамках программы «Болашак», а на различные социальные группы – от рядовых сотрудников бюджетных организаций до начинающих предпринимателей, желающих открыть свой бизнес.

В-третьих, Казахстану так или иначе необходимо развивать несырьевые сектора экономики, чтобы снизить зависимость экономики от колебания мировых цен на ключевые для государственного бюджета статьи экспорта. В свою очередь, новые производства смогут стать точками роста экономики и основой для негласного общественного договора между будущими поколениями казахстанцев и постназарбаевскими элитами.

В-четвертых, руководству Казахстана следует определиться со стратегией национального строительства. Нурсултан Назарбаев пусть медленно и осторожно, но все же дрейфовал в сторону более выраженной ведущей роли казахского этноса и казахской культуры во внутренней жизни страны. Возможно, что запущенные процессы уже необратимы, и доля неказахского населения сократится до уровня незначительного меньшинства. Так что с одной стороны,

сохранение этого курса позволит Казахстану по истечении долгого пути выстроить собственное независимое национальное государство, с другой – в глобальном контексте такая стратегия может оказаться несколько устаревшей и низко продуктивной, поскольку человеческий капитал сам по себе является важнейшим фактором развития без деления людей по этническому, языковому и иным признакам.

Наконец, в-пятых, перед Казахстаном стоит сложный выбор на внешнеполитическом направлении. С одной стороны, Россия – исторически близка Казахстану и долгие годы была ключевым партнером. Но, как это бывает, смена элит, перестановка приоритетов во внутренней политике и турбулентность глобальной конъюнктуры могут привести к совершенно иной конфигурации сил в мире, Евразии, центральноазиатском регионе и самом Казахстане. Опыт показывает, что наиболее прагматичным является многовекторный подход во внешней политике, когда государство диверсифицирует свои внешние связи, не полагаясь всецело на одного-двух партнеров. Безусловно, такая стратегия более сложна и требует постоянного удерживания баланса, но в долгосрочной перспективе она позволит Казахстану сохранить взаимовыгодные отношения с Россией и не стать зависимым сателлитом Китая.

Кыргызстан: анализ и прогноз социально-политической динамики

Кыргызстан – страна с одной из самых динамичных политических систем как в постсоветской Центральной Азии, так и среди всех прочих республик бывшего СССР.

Киргизия является тем государством, где социальные расколы во многом определяют динамику и интенсивность общественно-политических процессов.

Ключевым для целостности и стабильности Киргизии стало противостояние Север-Юг, включающее в себя несколько уровней.

Первый – это историко-географический. Еще до присоединения киргизских земель к Российской империи северные и южные территории существовали в параллельных политических реальностях. Часть земель на Юге, где преобладало оседлое население, входила в Кокандское ханство, отличавшееся жесткой политико-управленческой вертикалью и подданической культурой. Население Кокан-

да было смешанным. В частности, киргизы жили по соседству с узбеками и другими народами Центральной Азии. Объединяющей силой выступал ислам.

Северные земли занимали кочевые племена. Рассредоточение основной массы населения по степи и традиции независимого существования делали подчинение кочующих киргизов единому политическому центру крайне сложной задачей. Исламское влияние не добилось глубокого проникновения в этой части региона. Племена сохраняли память о своих корнях и традиционных верованиях, обычаях и обрядах.

С середины 2000-х гг. Киргизия – самое нестабильное государство в центральноазиатском регионе. За пять лет в стране произошли две революции – Мартовская в 2005 г., получившая название Тюльпановой, и Апрельская в 2010 г. Первая мирная передача президентской власти произошла только в 2017 г. спустя четверть века независимого существования новой киргизской государственности.

Всего за 28 лет независимости в Кыргызстане прошли 7 президентских и 6 парламентских избирательных кампаний, а также 8 референдумов. Для сравнения в Узбекистане раскладка по типам всенародного голосования составляет 5, 6 и 3, в Туркмении – 4, 6 и 2, а в Таджикистане – 5, 5 и 4 соответственно. В результате в Кыргызстане сменилось уже 4 главы государства, не включая временное лидерство Розы Отунбаевой, тогда как в Узбекистане и Туркмении – только по 2 президента.

При этом в Ташкенте и Ашхабаде смена лидера происходила не вследствие системной ротации элит, а по причине внезапной смерти действующего президента. В Таджикистане Эмомали Рахмон является бессменным руководителем страны с момента окончания гражданской войны в 1997 г. К примеру, за аналогичный период во главе Украины сменилось 6 президентов, во главе Грузии – 5, не считая двух коротких отрезков, когда исполнение обязанностей главы государство переходило к Нино Бурджанадзе.

Кроме того, с 2005 г. в Кыргызстане произошли 2 смены власти революционным путем и 1 трансфер власти, перешедший в жесткое противостояние между покинувшим руководящий пост Алмазбеком Атамбаевым и действующим президентом Сооронбаем Жаээнбековым.

Хотя в Узбекистане и Туркмении передача лидерства от Ислама Каримова к Шавкату Мирзиеву и от Сапармурата Ниязова к Гурбангулы Бердымухамедову спровоцировала обострение внутриэлитных конфликтов, это не повлекло за собой массовые беспорядки, поскольку само устройство этих режимов не предполагает проекции расколов в высших эшелонах власти на общество в целом и не предусматривает массовой антагонистической мобилизации граждан по политическим мотивам.

По общему количеству плебисцитов, интенсивности ротации элит и уровню протестной активности Кыргызстан схож с Украиной, Грузией и Молдовой, которые относятся к неустойчивым гибридным режимам, что наглядно иллюстрирует водораздел между закрытыми и сверхстабильными персоналистскими режимами и конкурентными олигархиями (здесь олигархия употребляется в оригинальном значении «власть нескольких, немногих»).

Первые руководители советской Киргизии были «варягами», которых назначали из Центра. Начиная с 1950-х гг. в Москве было принято выдвигать этнических кыргызов на руководящие позиции. Первым таким лидером стал Исхак Раззаков, уроженец Ферганской области, принадлежавший к южному объединению кыргызских племен – ичкилик. Его сменил «северянин» из Нарынской области Турдакун Масалиев, происходивший из племени сарыбагыш. Затем первым секретарем ЦК Компартии Киргизии был снова назначен ичкиликовец из Ошской области – Абсамат Масалиев, который передал руководство кыргызским ЦК нарынцу Джумгалбеку Аманбаеву, однако роль партии к тому моменту неуклонно снижалась, а во главе государства стоял другой «северянин» уже из Чуйской области – Аскар Акаев, происходящий из племени сарыбагыш.

Уже в постсоветских период чередование Севера и Юга в правящих элитах сохранилось. Акаев был вынужден отречься от власти во многом под давлением сил «южан», возглавляемых Курманбеком Бакиевым, относящимся к ичкилик. В 2002 г. Бакиев после инцидента в Джалал-Абаде был вынужден подать прошение об отставке и перешел в оппозицию к Акаеву, что нарушило хрупкое равновесие в республике. В 2005 г. Бакиев вступил в, как потом выяснилось, временный союз с «северяниным» Феликсом Куловым, чьи корни связаны с племенем солто. Вместе они возглавили «Тюльпановую революцию», результатом которой стал крах режи-

ма Акаева. После того, как бессменный лидер страны ушел с должности, Бакиев стал новым президентом Кыргызстана, а Кулов – премьер-министром. Однако позднее Бакиев выступил с обвинениями в адрес Кулова, вынудив последнего уйти в отставку. В 2010 г. уже сам Бакиев стал объектом народного недовольства, и после массовых уличных акций покинул страну. Временным президентом стала Роза Отунбаева. С точки зрения происхождения (и не только) она была компромиссной фигурой. С одной стороны, племя саруу считается ближе к южной группе, с другой Отунбаева, как уроженка Бишкека, имела контакты с «северными» элитами.

Схожая двойкость проявилась и в позиции Алмазбека Атамбаева, избранного президентом Кыргызстана в 2011 г. Атамбаев, как и его предшественница, был сильно связан с «северными» кланами, однако понимал риски исходящие с Юга страны. Для легитимации собственной власти Атамбаев акцентировал, что его дед – выходец с Юга, поэтому сам Атамбаев по праву принадлежит к ичкилик, хотя ранее Атамбаева относили к роду тордош племени кытай, то есть к «северной» группе. Атамбаев хотел осуществить контролируемую передачу власти от себя к преемнику, которого выбрал из числа видных представителей Юга. Вероятно, авторитет семьи Жээнбековых на Юге сыграл одну из ключевых ролей: номинальный «северянин» Атамбаев рассчитывал выстроить баланс между Югом и Севером и руководить страной через прокси-лидера «южанина». В результате преемником стал Сооронбай Жээнбеков из рода жору племени адигине Ошской области. Жээнбеков начал активно оттеснять своего прежнего покровителя от руководства страной, консолидируя власть в своих руках. В этой связи влияние «северян» начало стремительно снижаться, а «южан», напротив, существенно усиливаться, в том числе за счет укрепления позиций семьи Жээнбекова во власти и в экономической сфере.

Таким образом, конкуренция «северных» и «южных» кланов была и остается одной из движущих сил в революциях 2005 и 2010 гг., а также в противостоянии между Атамбаевым и Жээнбековым в 2019 г. Сейчас угроза дестабилизации по линии Север-Юг несколько снизилась, поскольку «северные» кланы оказались ослаблены, а «южные» объединяются вокруг укрепляющего свои позиции Жээнбекова. Однако нельзя исключать, что со временем «северные»

кланы реорганизируются, и если экспансия «южных» элит продолжится, то можно ожидать новый виток обострения противостояния.

В основе общественных расколов Кыргызстана лежит также демографическая динамика. За последние 60 лет население Кыргызстана увеличилось более чем в 3 раза – с 2,07 млн чел. до 6,3 млн чел. Наиболее значительным был рост численности этнических кыргызов, как в абсолютном (с 0,84 млн чел. до 4,6 млн чел. – то есть в 5,5 раз), так и в относительном (с 40,52 % до 73,32 %) выражении. При этом численность второго этноса – узбеков – за аналогичный период выросла в 4,2 раза, корейцев – в 4,7 раз, дунган – в 6,4 раза, турок – в 80 раз. Доля этнических русских сократилась вдвое, немцев – в 5 раз, украинцев – в 12 раз. Таким образом, этнический баланс сместился в сторону титульного этноса, и в Кыргызстане сложились условия для формирования национального государства с акцентом на этнический национализм. Узбекское меньшинство значительно и составляет около 15% населения страны. Тем не менее, статистика показывает, что численность этнических кыргызов растет быстрее, тогда как доля узбекского меньшинства стабилизировалась, показывая устойчивый, но далеко не стремительный прирост. Образ “узбекской” угрозы создается в результате медийных кампаний и компактного характера проживания узбеков в Кыргызстане. В южных областях – Баткентской, Джалал-Абадской, Ошской и городе Ош доля узбеков составляет 15 %, 25 %, 28 % и 44 % соответственно.

Хотя противостояние между кыргызами и узбеками остается самым масштабным и опасным этноконфликтом в Кыргызстане, нельзя исключать роста ксенофобии в отношении малых этнических групп, проживающих в стране. Особенно стоит уделять внимание этому вопросу на фоне падения уровня социально-экономического благополучия, поскольку некоторые малые этнические группы, например, дунгане и турки, концентрируются в своих руках привлекательные экономические активы или просто имеют устоявшийся образ успешных предпринимателей, что может вызывать агрессию у бедной, в первую очередь, сельской молодежи.

Ситуация в отношениях между Севером и Югом осложняется тем, что в последние годы демографический баланс в виду большей религиозности и традиционализма южан качнулся в их сторону и, вероятно, в дальнейшем будет лишь нарастать. С учетом того, что

выходцы из более модернизированных северных регионов, прежде всего из Бишкека, все чаще мигрируют в Россию, Турцию, США и страны ЕС, а на их место приезжает молодежь из южных регионов, которая также включается в глобальные миграционные потоки, то при сохранении текущей динамики, может произойти ползучая экспансия Юга в традиционные центры северного Кыргызстана.

В целом внутривнутриполитическая динамика Кыргызстана в среднесрочной перспективе будет определяться следующими критически значимыми размежеваниями: 1) межэлитным, включающим в себя элементы клановости и трайбализма; 2) религиозным – между умеренными мусульманами и приверженцами нетрадиционных, экстремистских течений ислама; 3) этническим – между кыргызами и узбеками; 4) внешнеполитической ориентацией.

Социально-экономическое неравенство для Киргизии является большой проблемой, но в отличие от Казахстана, России и Украины в Киргизии не сформировался слой сверхбогатых предпринимателей, так называемый «олигархат». А конкуренция за экономические активы во многом пересекается с конкуренцией элитных групп и кланов.

Первый из базовых сценариев – наиболее оптимистичный. Его можно условно обозначить как консенсусный. Основные положения данного сценария заключаются в том, что в Киргизии удастся преодолеть клановые и региональные расколы. Достичь этого с помощью построения демократических институтов и качества их работы в ближайшей перспективе представляется практически невозможным, поэтому наиболее реалистично предположить, что объединение страны может произойти под управлением «сильной руки» популярного лидера, каковым может стать Сооронбай Жээнбеков, примеряющей на себя роль «президента всех кыргызстанцев». И если своей мягкой политикой в отношении ислама Жээнбеков активно завоевывает поддержку южан, то для жителей северных областей страны действующему президенту следует предложить иную большую программу, которая заинтересует как местные элиты, так и широкие слои населения. Примирение также включает в себя грамотную религиозную политику по интеграции различных исламских течений в общекиргизскую модель, что имеет резон, поскольку политика выдавливания салафитов в подполье нередко показывает свою неэффективность, оборачиваясь всплесками радика-

лизации. В таких условиях ожидаемо, что Киргизия как страна с исламской традицией не сможет пойти на полное сближение с Китаем, сделав акцент, прежде всего, на торгово-экономическое сотрудничество. При этом Россия и соседи по центральноазиатскому региону, в частности, Узбекистан, с которым отмечается нормализация отношений по территориальным спорам и водным конфликтам, останутся важными партнерами по широкому кругу вопросов.

Вероятность реализации данного сценария невысока, поскольку 1) межэлитные расколы сохраняются, а им свойственно периодическое обострение; 2) в стране продолжается исламизация, в которой участвуют не только конвенциональные исламские учения, но и экстремистские идеологии; 3) узбекское меньшинство будет усиливаться на Юге страны, что неминуемо будет вызывать недовольство радикально настроенной части этнических кыргызов, как на Юге, так и на Севере страны; 4) Соорнобаю Жээнбекову будет сложно выстроить модель общенационального лидерства, на что указывает предыдущий опыт: Алмазбек Атамбаев уже пытался преподнести себя как общенационального лидера, балансируя между Севером и Югом, но в конечном счете потерпел неудачу; 5) Киргизия остается заложницей географического положения, делающего страну предметом борьбы не только между Россией и Китаем, но и региональными игроками – Казахстаном и Узбекистаном, заинтересованными в усилении своего влияния на Бишкек (Мещеряков 2014).

Второй базовый сценарий можно охарактеризовать как инерционный. При этом инерция вовсе не означает устойчивого положения социально-политической обстановки в Кыргызстане. Напротив, при сохранении существующей динамики негативных тенденций страна рискует оказаться на пороге очередного глубокого кризиса.

При инерционном сценарии можно ожидать постепенного усиления происламских настроений в Киргизии. Образованное светское население, прежде всего, не этнические кыргызы продолжат в большом количестве покидать страну. А при положительной демографической динамике Юга, выходцы из этих областей начнут массово переезжать в города, где главным центром притяжения станет столичный Бишкек. В результате перевес окажется на стороне происламских более консервативных сил. В этом плане даже политик формирования Жээнбекова будет выглядеть недостаточно отвечающим

запросу большинства. Безусловно, лидеры стран центральноазиатского региона, России и Китая отнесутся к этому настороженно, однако экономическая и политическая кооперация будет оставаться доминирующей повесткой в отношениях. Такой сценарий можно считать наиболее вероятным, поскольку ситуация в Киргизии находится в существенной степени под внешним контролем и в случае обострения внутренних кризисов к урегулированию подключатся большие игроки, имеющие достаточно ресурсов на то, чтобы урегулировать конфликты. Напротив, ухудшение положения отмечается тогда, когда большие игроки устраняются от активного участия во внутренних делах, как это было во время Тюльпановой революции в 2005 г.

Третий сценарий можно охарактеризовать как пессимистический. Как это следует из предыдущих базовых прогнозов, он может повлечь за собой некоторую международную изоляцию Киргизии со стороны соседей, а для Китая и России на первый план выйдет вопрос безопасности. Такой исход будет возможен в случае прихода к власти радикально настроенных сил. Нельзя исключать, что это может произойти в результате насильственной революции. При этом клановые расколы могут отойти на второй план, в случае возвышения клерикальных сил, не признающих трайбалистские, этнические и расовые различия внутри исламской уммы. Вероятность этого сценария невелика, поскольку, как уже говорилось ранее, Москва, Пекин, Нур-Султан и Ташкент следят за ситуацией в Киргизии, стараясь купировать угрозы подобного рода.

Опираясь на проделанный анализ, можно вывести следующие меры по стабилизации социально-политической ситуации в Кыргызстане в среднесрочной и отчасти в долгосрочной перспективе.

Во-первых, Кыргызстану необходимо сохранить имеющиеся достижения в государственном строительстве и совершенствовании политических институтов. Важным шагом должно стать закрепление правил игры на несколько последовательных политических циклов подряд. Должно быть достигнуто равновесие между институтами президента, парламента и премьер-министра. Уходя с поста главы государства инкубент должен признавать победу конкурента, если таковая была одержана в соответствии с установленными правилами. Даже в глубоко расколотых обществах ротация элит и справедливое представительство во власти снижают ве-

роятность радикальных сценариев дестабилизации, перевода конфликты в плоскость политического. При неизбежности периодических конфликтов, с позиции рациональных игроков, выбор между правительственным кризисом и революцией вполне очевиден ввиду меньших издержек первого варианта в сравнении со вторым.

Во-вторых, необходима более гибкая и эффективная политика в сфере религии. Одним из инструментов превентивной стабилизации ситуации может стать повсеместное исламское просвещение, исходящее из центра. При этом программа исламского образования не должна навязываться и действовать с опорой на силовой ресурс, используемый для борьбы со всеми не конвенциональными течениями. Имеющийся в Киргизии религиозный плюрализм, в том числе внутри большой исламской уммы, может быть сохранен, чтобы не выдавливать малые группы в радикальное подполье.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что Казахстан, хотя и остается «островком стабильности» в центральноазиатском регионе, все чаще сталкивается с дестабилизационными процессами внутри страны. Главными причинами является перестройка режима в период передачи власти от Назарбаева к преемнику и ухудшение социально-экономического положения страны. В значительной мере ситуация в Казахстане будет зависеть от того, какую политику на внешнем и внутреннем направлениях выберут новые элиты. Оптимальным, с точки зрения поддержания устойчивости, остается политика балансирования между различными группами внутри страны и большими партнерами (Россия, Китай, США, ЕС) на внешнем контуре.

Для Киргизии главным риском остается глубокий раскол между Севером и Югом, включающий в себя сразу ряд противоречий - исторических, этнических, религиозных. Последнее – может перерасти в масштабный раскол, который кардинально изменит политический ландшафт страны. Поэтому политическим элитам Киргизии и мировому сообществу необходимо инвестировать в поддержание мира и порядка в Киргизии уже сегодня, чтобы страна не стала новой «горячей точкой» на карте.

Библиография

- Букеева А., Тлеубаева А., Аульбекова А., Омарова А., Батищева Т. 2019. 50 богатейших бизнесменов Казахстана. *Forbes*. 13 мая. URL: https://forbes.kz/leader/50_bogateyshih_biznesmenov_kazahstana_-_2019_1557664676/?
- Борисова Е. А. 2002. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном. *Вестник Евразии* 1: 28–47.
- Казанцев А. А., Содиков Ш. Д. 2014. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана. *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации* 1: 116–125.
- Карсаков И. 1998. Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х-середине 90-х гг. *Центральная Азия и Кавказ* 14. URL: https://www.ca-c.org/journal/14-1998/st_10_karsakov.shtml.
- Мархаева Б. А. 2017. Программа «Болашак» как платформа для международного сотрудничества Казахстана в области развития человеческого капитала: опыт взаимодействия с вузом Сингапура. *Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества*. Материалы VII международной научной конференции. Ответственный редактор М. И. Морозова. С. 49–53.
- Мещеряков К. Е. 2014. Борьба Казахстана и Узбекистана за региональное лидерство в центральной Азии и позиция России. *Клио* 8: 100–103.
- Наронская А. Г. 2010. Трансформация политических элит на постсоветском пространстве (на примере России и Республики Казахстан). *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3. Общественные науки 5(3): 160–166.
- Сидоров О. 2007. Исламский фактор во внутривнутриполитической стабильности государств Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ* 1(49): 15–24.
- Чернявский С. 2010. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии. *Центральная Азия и Кавказ* 13(2): 44–53.
- Шаймерден С. М. 2017. Правовой статус оралманов. Министерство образования и науки Республики Казахстан. *Казахская цивилизация* 4(72): 83–89.

- Biryukov S. V. 2019.** Uzbekistan as a Mirror of Change in Central Asia: A Sultanistic Regime and Its Transformation. *Asian Survey* 59(2): 337–359.
- Bond A. R., Koch N. R. 2010.** Interethnic tensions in Kyrgyzstan: a political geographic perspective. *Eurasian Geography and Economics* 51(4): 531–562.
- Broekman S. 2017.** Defining and identifying Russia’s elite groups: Siloviki representation during Putin’s third term. *Leiden University*: дис. 50 с.
- Diener A. C. 2015.** Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan’s northern oblasts. *Eurasian geography and economics* 56(5): 469–492.
- Hess S. 2010.** Protests, parties, and presidential succession: Competing theories of Color Revolutions in Armenia and Kyrgyzstan. *Problems of Post-Communism* 57(1): 28–39.
- Horák S. 2018.** Leadership Succession in Turkmenistan and Uzbekistan: Between Stability and Instability. *Central Asian Affairs* 5(1): 1–15.
- Junisbai B., Junisbai A. 2019.** Regime type versus patronal politics: a comparison of “ardent democrats” in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Post-Soviet Affairs* 35(3): 240–257.
- Juraev S. 2008.** Kyrgyz democracy? The tulip Revolution and beyond. *Central Asian Survey* 27(3–4): 253–264.
- Lewis D. 2008.** The dynamics of regime change: domestic and international factors in the ‘Tulip Revolution’. *Central Asian Survey* 27(3–4): 265–277.
- Öge K. 2017.** Elite preferences and transparency promotion in Kazakhstan. *Communist and Post-Communist Studies* 50(2): 135–143.
- Werner C. A., Emmelhainz C., Barcus H. 2017.** Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging. *Europe-Asia Studies* 69(10): 1557–1583.